

Пролог

— Кто это? — спросил Алексей, увидев в мастерской матери портрет сангиной.

— Туся, — рассеянно ответила мать.

— Какая Туся? Кто она?

— Бывшая балерина. Что, хороший рисунок?

— Чудо!

— Рисунок или модель?

— Не знаю. Глаз не оторвать.

— Она на пять лет старше тебя.

— При чем тут возраст? Я же не собираюсь...

— А по-моему, как раз собираешься, — засмеялась Нина Михайловна.

— Дашь мне ее телефон?

— Лешик, с ней не надо играть. Она травмирована...

— В каком смысле?

— И в буквальном, и в переносном. Она прелесть, но не для тебя. Да и ты не для нее.

— Мать, мы, кажется, условились: ты в мою личную жизнь не лезешь. Как и я в твою.

— А я не лезу. Просто не считаю ее пока частью твоей личной жизни. К тому же ты ревнивый, а она безумно нравится мужикам.

— Хочешь сказать, что в ее лице я приобрету лишнюю головную боль?

— Для популярного журналиста ты выражаешься чересчур неуклюже.

— Ладно, мать, ты скажи — дашь мне ее телефон?

— Не хотелось бы, но ты ведь все равно узнаешь, если захочешь.

— За что я тебя люблю, мать, так это за ум, — и он чмокнул ее в щеку. — А адрес ты знаешь?

— Вот чего не знаю, того не знаю.

Он явился к Тусе с букетом роз. А ее не было дома. Я идиот! И дернул меня черт прийти сюда без звонка. А вдруг у нее противный голос? Вдруг она скучная, глупая, без чувства юмора, да еще и неряха? Правда, мать сказала, что она прелесть. Но это на женский взгляд.

Он в задумчивости сел на ступеньку, не очень понимая зачем. Ждать ее? Делать мне, что ли, нечего? Я полный кретин. Увидел портрет — и пом-

чался. Мне завтра статью сдавать... А может, ее вообще нет в Москве?

— Послушайте, зачем вы терзаете розы? — раздался вдруг низкий женский голос. — Вы кого-то ждете?

Он поднял глаза и обомлел. Это была она. Каштановые с рыжинкой волосы, зеленовато-карие, чуть раскосые глаза, словно бы припухшие губы. Такое очарование во всем облике... Мать — гений, мелькнуло у него в голове.

— Вы, наверное, к Ляле?

— Нет, я к вам...

— А зачем розы общипали?

— Ой, я задумался, простите! — Он вскочил.

Она, стоя на несколько ступенек ниже, смотрела на него снизу вверх, и в глазах была такая беззащитность, что у него внутри все перевернулось.

— А вы кто? Мы разве знакомы? У меня вообще-то хорошая зрительная память...

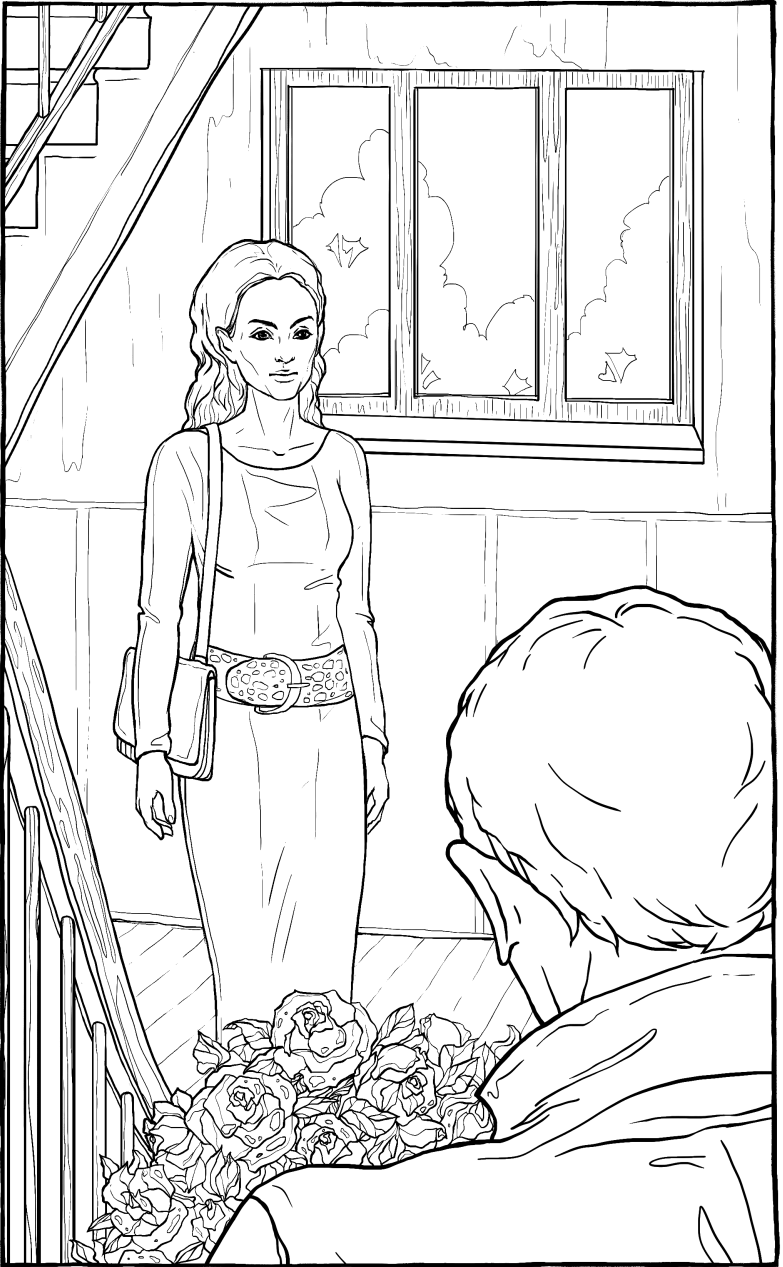
— Нет, мы не знакомы, вот я и пришел исправить эту досадную ошибку. Меня зовут Алексей, Алексей Майоров. Я сын Нины Михайловны Воронко.

— Да? — радостно улыбнулась она.

Я пропал, подумал он.

— Тогда пойдемте, я вас чаем напою.

— А можно кофе?

— Кофе у меня нет, — вдруг страшно смутилась она.

— Можно и чай...

— Понимаете, я не люблю кофе, а покупать для гостей... У меня и гостей-то почти не бывает...

— Теперь будут. Я буду ходить к вам в гости.

— Зачем?

— Хочется.

Она засмеялась и открыла дверь. У нее была маленькая однокомнатная квартирка, скромная, чтобы не сказать бедная, но сверкающая чистотой.

— Раздевайтесь, пожалуйста, только обувь не снимайте.

— Но у вас такая чистота...

— Ничего, грязь с полу вытереть несложно, а мужчин в носках я терпеть не могу.

— Позвольте ваше пальто...

Он взял у нее пальто, повесил на вешалку, потом снял куртку.

— Розы безнадежно испорчены? — смущенно спросил он.

— Да нет, три штуки придется выкинуть, а остальные в порядке. Красивые, жаль, недолго простоят...

— А я вам еще принесу...

— Зачем я вам понадобилась вдруг?

— Честно?

— Ну конечно.

— Я влюбился... сначала в ваш портрет у мамы... А сейчас уже по уши втюрился в вас... вы в жизни еще в сто раз лучше.

Ее смех был низкий, волнующий, зазывный. У него голова шла кругом.

— Да вы сядьте. Сейчас заварю чай, у меня есть сушки и крыжовенное варенье. Хотите?

— Хочу.

— Послушайте, а сколько вам лет?

— Двадцать восемь.

— У-у-у!

— Что?

— А мне тридцать четыре почти.

— Ну и что?

— Я стара для вас.

— Господи ты боже мой! — воскликнул Алексей. — Какую чушь вы городите! Не все ли равно — сколько вам лет?

— Мне — не все равно, — отчеканила она. — Я так не хочу...

— У вас кто-то есть? — вдруг смертельно испугался он. До этой минуты ему и в голову не приходило, что она не одна.

— Есть, — не слишком уверенно проговорила Туся.

А он понял — врет. Таких беззащитных глаз не бывает у женщин, когда у них есть любящий мужчина. Несмотря на относительную молодость, он уже это знал.

— И он любит вас?

— А вам что за дело?

— Вы хотите, чтобы я ушел?

— Да.

— А если не уйду?

— Тогда уйду я.

— Куда?

— Куда-нибудь.

— Послушайте, Туся... А кстати, как вас зовут? Татьяна?

— Нет, Наталья.

— Вам идет имя Туся. Послушайте, выходите за меня замуж!

— Замуж? — Она покрутила пальцем у виска.

— А что тут такого? Я обещаю оберегать вас, хранить...

— Как древнюю реликвию, что ли?

— Нет, как любимую женщину!

«Остапа несло», — вспомнил он вдруг фразу из Ильфа и Петрова. Что я делаю?

— Леша, знаете что, ступайте домой, к маме, и забудьте все... А то потом самому же будет стыдно.

— Стыдно? — вдруг вскипел он. — Чего мне стыдиться? Да я как увидел ваш портрет, просто с ума спятил...

— Ну так то портрет... Попросите маму отдать его вам и успокойтесь.

— Мне портрета мало, мне нужны вы...

— Это уже сказка про белого бычка.

— Значит, вы гоните меня?

— Не гоню, это было бы невежливо... Но скажем так — я вас не звала.

— Понял. Ну что ж, для первого знакомства не так уж плохо. Я уйду, но вернусь.

И он ушел.

— Мать, скажи, на что она живет?

— Кто? — рассеянно отозвалась Нина Михайловна, помешивая что-то на сковороде.

— Туся.

Нина Михайловна быстро уменьшила огонь и внимательно посмотрела на сына.

— Мать, я задал тебе вопрос.

— Честно говоря, не знаю. Я познакомилась с ней в редакции одного глянцевого журнала. Но что конкретно она там делает, не знаю.

— Но ведь ты рисовала ее портрет... Вы что, ни о чем с ней не говорили?

— Почему? Говорили. Я спросила: правда ли, что у нее был роман с Мак-Лейном?

— С каким Мак-Лейном? — испугался он.

— С тем самым, голливудским.

— Митчел Мак-Лейн? Знаменитый актер?

— Ну да.

— Где она его взяла?

— А он тут снимался. Что, уже ревнуешь?

А кстати, почему ты так заинтересовался ее жизнью? Ты что, уже виделся с ней?

— Представь себе.

— И что?

— Подожди, что она тебе ответила?

— О чем ты? — растерялась Нина Михайловна.

— Ну насчет Мак-Лейна... У них правда был роман?

— Был. Так что тебе там вряд ли что-то светит.

— Это мы еще посмотрим!

— Слушай, Лешка, а ты что, так прямо взял и заявился к ней?

— Ага, взял и заявился. С розами.

— А она что?

— Удивилась. Но когда я сказал, что я твой сын, даже обрадовалась. И чаем напоила.

— Ты же не пьешь чай!

— А у нее нет кофе. Я так понял, что ей не на что его купить.

— Может, и так.

— А этот, голливудский... Он что, ей не помогает?

— Видимо, нет. Я не знаю. Но она сказала, что они расстались. Она поняла, что он ей чужой... А еще она говорила, что продала браслет, им подаренный, и купила компьютер. И сколько-то времени жила на эти деньги. И еще, что этот роман принес ей одни неприятности. В театре чуть не сдохли от зависти.

— Она что, кордебалетная?

— Да нет, она была, что называется, корифейкой. А в тридцать получила травму на репетиции и уже не смогла вернуться на сцену. Лешка, она ранимая, одинокая, не слишком приспособленная к жизни. Не надо с ней играть.

— Не собираюсь.

— И слава богу.

— Я собираюсь на ней жениться. И уже сделал предложение.

Нина Михайловна оторопела.

— А она что?

— Практически прогнала меня.

— Ну и умница.

— А я все равно на ней женюсь. Я возьму ее штурмом. Или осадой. Но она будет моей женой. И не вздумай напоминать, что она старше меня. Мне на это плевать.

— Ну что ж, после твоей Верочки мне уже ничего не страшно.

Нина Михайловна молча поставила перед ним тарелку супа.

— Ешь, Лешик.

Он съел несколько ложек, потом решительно отодвинул тарелку.

— Слушай, мать, скажи-ка мне, как вы, бабы, реагируете...

— На что?

— На штурм, например...

— По-разному. Зависит от бабы.

— Ну есть же, наверное, какой-то стереотип?

— Отвяжись, Лешик, устраивайся сам. Ты уже большой мальчик. Но один совет, пожалуй, могу дать...

— Я весь внимание!

— Повторяй свои попытки. Приходи, дари цветы. Женщинам это всегда приятно. И если результат будет тот же, исчезни на какое-то время. Внезапно. Вдруг. И она непременно встревожится, начнет думать о тебе. Невольно.

— Ты это сама придумала?

— Да нет, твой папаша действовал со мной именно так. А недавно я прочла подобный совет в «Оракуле».